

УДК 821.111

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-119-131>

Оригинальная научная статья

Когнитивные и эколингвистические аспекты фрейма «растение» в научно-фантастическом дискурсе в романе Sue Burke “Semiosis”

Ю. В. Малинникова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

✉ jm89184418988@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается научно-фантастический дискурс с позиции эколингвистики и когнитивной лингвистики. Основное внимание уделяется анализу фрейма «растение», а также выявлению лингвистических механизмов формирования экологических ценностей в научной фантастике. Исследуется потенциал эколингвистического анализа для реконструкции концепта «растение». Эмпирическую базу составляет роман Сью Бёрк “Semiosis”, в котором тема инопланетной флоры представлена через фрейм «растение». Актуальность темы обусловлена глобальными экологическими вызовами и необходимостью переосмысления традиционного отношения к природе как к неисчерпаемому ресурсу. Проблема исследования заключается в том, что современные языковые практики продолжают поддерживать антропоцентричный дискурс, оправдывающий эксплуатацию окружающей среды, несмотря на существование альтернативных биоцентрических моделей. Цель исследования – определить, каким образом научно-фантастический дискурс посредством фрейм-слотового анализа способствует формированию экологически ответственного мышления. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: анализ лексических и стилистических средств в тексте, систематизация слотов фрейма «растение» и оценка влияния используемых дискурсивных стратегий на восприятие природы. Методологическую основу исследования составляют принципы когнитивной лингвистики и эколингвистики, что позволяет выявить идеологические установки, заложенные в языке, и их влияние на экологическое сознание. С применением фрейм-слотового анализа были выделены два ключевых субфрейма: «структура растения» и «интеллект растения». Проанализированы лексико-стилистические средства, с помощью которых растения наделяются чертами активных участников экосистемы. В результате исследование показало, что традиционный фрейм «растение = пассивный природный объект» трансформируется в научно-фантастическом дискурсе в «растение = активный субъект». Эта трансформация выражается через лексическое обозначение агентности и интеллекта, описание стратегического поведения, морфологической гибкости и химической защиты. Выводы исследования демонстрируют, что язык научной фантастики способен не только трансформировать привычные фреймы восприятия природы, но и способствовать формированию устойчивого, этически ориентированного биоцентрического мировоззрения, противопоставленного традиционному антропоцентризму.

Ключевые слова: научно-фантастический дискурс, фрейм, слот, эколингвистика, биоцентризм, устойчивое развитие, антропоцентризм, инопланетная флора, морфология растений, коэволюция

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Малинникова Ю. В. Когнитивные и эколингвистические аспекты фрейма «растение» в научно-фантастическом дискурсе в романе Sue Burke “Semiosis”. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 119–131. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-119-131

© Малинникова Ю. В., 2025

Original article

Cognitive and ecolinguistics aspects of the “plant” frame in science fiction discourse in Sue Burke’s novel “Semiosis”

Yulia V. Malinnikova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ jm89184418988@yandex.ru

Abstract

This article examines science fiction discourse from the perspective of ecolinguistics and cognitive linguistics. The primary focus is on the analysis of the “plant” frame and the identification of linguistic mechanisms that contribute to the formation of environmental values in science fiction narratives. The potential of ecolinguistic analysis for reconstructing the concept of “plant” is explored. The empirical basis of the study is Sue Burke’s novel “Semiosis”, in which the theme of alien flora is represented through the “plant” frame. The relevance of this topic is determined by global environmental challenges and the growing need to reconsider the traditional view of nature as an inexhaustible resource. The problem addressed in this study lies in the fact that contemporary linguistic practices often support an anthropocentric discourse that legitimizes environmental exploitation, despite the existence of alternative biocentric models. The aim of the research is to determine how science fiction discourse, through frame-slot analysis, contributes to the development of environmentally responsible thinking. To achieve this goal, the study sets the following objectives: to analyze the lexical and stylistic devices used in the text; to systematize the slots of the “plant” frame; and to assess the influence of employed discursive strategies on the perception of nature. The methodological foundation of the study is based on the principles of cognitive linguistics and ecolinguistics, which allow for the identification of ideological orientations embedded in language and their effect on ecological consciousness. Using frame-slot analysis, two key subframes are identified: “plant structure” and “plant intelligence”. The study analyzes the lexical and stylistic means through which plants are represented as active participants in the ecosystem. The results show that the traditional frame “plant = passive natural object” is transformed in science fiction discourse into “plant = active subject”. This transformation is articulated through lexical expressions of agency and intelligence, as well as through descriptions of strategic behavior, morphological adaptability, and chemical defense mechanisms. The findings demonstrate that the language of science fiction not only reshapes conventional frames of perceiving nature but also facilitates the formation of a sustainable, ethically oriented biocentric worldview, which challenges traditional anthropocentrism.

Keywords: science fiction discourse, frame, slot, ecolinguistics, biocentrism, sustainable development, anthropocentrism, alien flora, plant morphology, coevolution

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Malinnikova Yu. V. Cognitive and ecolinguistics aspects of the “plant” frame in science fiction discourse in Sue Burke’s novel “Semiosis”. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 119–131. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-119-131

Введение

В контексте современных научных исследований художественного дискурса все чаще поднимается вопрос о взаимодействии между человеком и окружающей средой. Научно-фантастический дискурс (далее – НФД) оказывается особенно

продуктивным в этом смысле, поскольку позволяет моделировать альтернативные реальности и иные формы взаимодействия. Данная статья посвящена анализу НФД с точки зрения эколлингвистики и когнитивной лингвистики, реализации и трансформации привычных представлений о природе через фрейм «растение» и его слоты. Основное внимание уделяется тому, как через фреймы и слоты анализируются лексические средства, структурирующие представления о флоре, и в какой мере эти представления могут содействовать формированию более ответственного отношения к экологии.

Актуальность исследования определяется возрастающей значимостью экологической проблематики в современных гуманитарных науках. Язык как инструмент формирования общественных взглядов играет решающую роль в закреплении или трансформации антропоцентричных установок по отношению к природе. В условиях глобальных экологических вызовов данный подход особенно востребован, поскольку позволяет выявить, как лингвистические категории (лексика, метафоры, фреймы) влияют на мировоззренческие модели поведения человека. Эколлингвистика предлагает методологию, позволяющую осмыслить взаимосвязь языка и экологического сознания, тогда как НФД предоставляет благодатную почву для моделирования альтернативных взаимодействий человека с окружающей средой. Помимо этого, использование фрейм-слотового анализа дает возможность комплексно оценить, какие концепты и ценности формируют экологическое мышление в научно-фантастических произведениях.

Проблематика исследования заключается в том, что современные сообщества продолжают придерживаться антропоцентричной парадигмы, воспринимая природу преимущественно как ресурс. Такой взгляд подкрепляется языковыми практиками, которые, с одной стороны, могут оправдывать эксплуатацию, а с другой – способствовать биоцентрическому видению.

Целью данного исследования является определение того, как эколлингвистический подход на основе фрейм-слотового анализа применим к НФД, а также выявление в романе “Semiosis” Сью Бёрк особенности фрейма «растение», отражающие нетипичные для земной флоры морфологические и «разумные» черты.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать лексические и стилистические средства, используемые для описания инопланетной флоры в романе “Semiosis”;
- 2) систематизировать слоты фрейма «растение», отражающие, каким образом растение трансформируется из «пассивного объекта» в «активного субъекта»;
- 3) раскрыть потенциал НФД в формировании экологически ответственного мышления у читателей.

Теоретической базой исследования послужили работы исследователей Ивановой, 2007 [1], И Гальего Гальярдо, 2023 [2], Кислицыной, 2025 [3], в которых язык рассматривается как механизм формирования экологического сознания и ценностных установок в обществе. При этом мы опираемся на принципы когнитивной лингвистики, в частности, на фрейм-слотовый подход (Pine, Lieven, 1997 [4], Хенцельман, Федорова, 2016 [5]), который позволяет структурировать информацию о природе как концепте, выделяя субфреймы и слоты для анализа конкретных аспектов. В основе данного исследования также лежат принципы эколлингвистики (Naugen, 2006 [6]; Кислицына, 2025 [3]), которые стремятся определить, как речевые практики влияют на восприятие и взаимодействие с природой в художественном тексте.

Роль языка в формировании экологически ответственного мировоззрения

Эколлингвистика представляет собой междисциплинарную область знаний, которая изучает взаимосвязь между языком и окружающей средой. Ее предметом

является то, как люди взаимодействуют с природным миром под влиянием идей, концепций, идеологий и мировоззрений, выражаемых в языке [7]. Внимание к языку в данном контексте обусловлено осознанием, что человеческая деятельность не только наносит ущерб природе, но и угрожает самому существованию человечества [2].

Любая деятельность человека в отношении природы должна основываться не только на научно-технических критериях, но и на натурфилософском взгляде, который позволяет осознать этическую связь с окружающим миром [8]. Эксплуатационный взгляд на природу как на нескончаемый источник ресурсов приводит к экологическому кризису и деградации окружающей среды. Признание равноправности окружающего мира и отсутствие иерархического подчинения природы человеку подразумевает, что люди должны признавать ценность всех форм жизни, стремясь к этической коэволюции, а не к сугубо экономической выгоде [8].

Ключевой установкой эколлингвистики является понимание того, что лексический выбор, структура высказываний и способы подачи материала могут формировать общественное мнение и, следовательно, влиять на состояние окружающей среды [9]. Язык может как способствовать позитивным переменам, так и усугублять экологические проблемы. В связи с этим эколлингвистика стремится критически осмыслить речевые практики, выступая против идеологий и дискурсов, оправдывающих разрушительную эксплуатацию ресурсов. Эколлингвисты указывают на антропоцентризм как одну из главных причин экологических кризисов. Язык закрепляет идею приоритета человеческих интересов над интересами природы и других видов, что дает возможность оправдывать загрязнение окружающей среды и доминирование над нечеловеческими существами [1].

Противопоставляя антропоцентристскому подходу идею устойчивого развития, эколлингвистика поддерживает анализ так называемого «позитивного дискурса», описывающего ответственное отношение к природе, и критикует тексты, в которых фактически легитимируется экологический ущерб [3]. В данном контексте язык рассматривается как мощный инструмент, способный либо укреплять деструктивные формы поведения в отношении природы, либо, напротив, стимулировать бережное отношение к окружающей среде и сотрудничество с другими видами. Эколлингвистика исследует роль языка в создании или преодолении стереотипов, связанных с «пользой» или «вредностью» природных явлений, и подчеркивает, что именно через язык транслируется идеология, влияющая на принятие экологически значимых решений.

Таким образом, эколлингвистика видит свою цель в поиске лингвистических средств, помогающих изменить представление о «неисчерпаемости» природных ресурсов, воспитывать экологическую грамотность и формировать у общества экологически ответственное мышление [6]. Эколлингвистика также вносит весомый вклад в решение глобальных экологических проблем, поскольку стремится объединить лингвистический анализ, экологическую этику и социальную ответственность для сохранения многообразия жизни на планете [3].

Фреймы и слоты в научно-фантастическом экодискурсе

Научно-фантастические произведения часто служат платформой для моделирования альтернативных экосистем и сценариев будущего нашей планеты, где окружающая среда претерпела значительные изменения. Эти тексты могут отражать как глубину экологических катастроф, так и успешные примеры коэволюции человека и природы. В этом контексте язык становится важным инструментом, формирующим у читателя критическое отношение к современным антропоцентричным моделям поведения и пропагандирующим устойчивое развитие через образы «экологического» будущего. Язык в научной фантастике

не просто описывает альтернативные реальности, но и создает новые термины, метафоры и концепты, которые могут перестраивать мышление читателя. Например, если в фантастическом мире язык «рассказывает», как можно жить иначе, то это дает читателю новый опыт восприятия природы и ее ценности. Эколингвистика, в свою очередь, подчеркивает, что каждая языковая модель может влиять на наше понимание окружающего мира, формируя экологическую грамотность и ответственность [10]. Научно-фантастический дискурс вступает в диалог с эколингвистикой, выявляя связь между описанием окружающего мира (лексика, метафоры) и ценностями, которые транслируются через эти описания, например, ответственность перед природой и этика ограничения потребления. Эко-фантастика как поджанр научной фантастики фокусируется на проблемах экологии и возможных последствиях изменений окружающей среды. Она не только предостерегает о возможных катастрофах, но и предлагает альтернативные пути развития. Научная фантастика предоставляет авторам уникальную возможность создавать целые языки или речевые практики, адаптированные к новым экологическим условиям. Например, в произведениях таких авторов, как Сью Бёрк, часто появляются специфические термины для новых флоры и фауны, методов сельского хозяйства и переработки отходов. Это не только обогащает лексический запас языка, но и способствует формированию нового мировоззрения у читателей [11].

Таким образом, научно-фантастическая литература играет важную роль в формировании общественного сознания относительно экологии. Через создание альтернативных миров и языковых моделей она способствует осознанию необходимости ответственности перед природой и устойчивого развития. Эколингвистика в этом контексте становится важным инструментом анализа дискурсов, связанных с экологическими проблемами, открывая новые горизонты для понимания взаимодействия человека с окружающей средой.

В современном языкознании концепция фрейма и его компонентов, слотов, играет значительную роль в анализе того, как люди осмысляют окружающую действительность. В рамках когнитивной лингвистики, фрейм рассматривается как многоуровневая «схема» или «сценарий», который упорядочивает знания о типичных ситуациях [4]. Каждый фрейм обладает слотами – типовыми ролями или параметрами, которые заполняются конкретными элементами при описании объекта или явления [4].

Эколингвистика, как было отмечено ранее, исследует влияние языковых категорий на восприятие и взаимодействие людей с окружающей средой, что делает фреймовый подход особенно востребованным при анализе экологических дискурсов. Согласно исследованиям в области экологической лингвистики, язык воспринимается не только как средство коммуникации, но и как фактор, формирующий мировоззрение людей по отношению к природе [12]. Использование фреймов позволяет выявить, какие элементы действительности закреплены в лексике, синтаксисе и образных выражениях. Слоты внутри фреймов «заполняются» различными концептами например: «растение – агрессивное/пассивное» или «природа – ресурс/равноправный субъект». Такое распределение указывает на идеологические и культурные установки, лежащие в основе дискурса. Эколингвистика опирается на дескриптивный фрейм, акцентируя внимание на взаимосвязи частного и общего, рассматривая все явления как взаимосвязанные, взаимозависимые и взаимодействующие [13].

Ключевую роль играют фреймы, задающие интерпретацию природы как «бесконечного ресурса» либо, напротив, как «дома» для всех форм жизни. Эксплуатационный фрейм может включать слоты, такие как «природные ресурсы» и «экономическая выгода», в то время как биоцентрический фрейм

содержит слоты «этическая ценность всех видов» и «сотрудничество с природой». Использование соответствующих лексических единиц, например, «добыча ресурсов» или «забота о биоразнообразии», формирует различное отношение к природе.

В научно-фантастических произведениях часто моделируются альтернативные экосистемы, такие как планеты или миры будущего, где проблемы взаимодействия человека и природы обостряются или успешно разрешаются [5]. Таким образом, можно сделать вывод, что язык научной фантастики способен:

- создавать новые термины и концепты для описания незнакомой флоры, фауны и способов переработки отходов;
- перестраивать мышление читателя, транслируя через фреймы и слоты модели более ответственного поведения;
- влиять на формирование экологических ценностей, задавая позитивные или негативные «сценарии будущего».

Эколингвистический подход к фрейм-анализу позволяет выявить идеологические установки, где выбор слотов, таких как «природа = ресурс» или «природа = субъект», отражает антропоцентричные или биоцентричные ценности.

Традиционные представления о растениях в земной культуре формируются под влиянием устойчивых стереотипов, укоренившихся в языке. В рамках этих представлений растения наделяются рядом характеристик, которые ставят их в положение пассивных и подчиненных элементов экосистемы. Прежде всего они воспринимаются как неподвижные организмы, лишенные способности к активному поведению, что контрастирует с динамичным образом человека. Кроме того, растения традиционно исключаются из сферы разума, где им отказано не только в интеллекте, но и в способности учиться, планировать или выполнять целенаправленные действия. В культурном аспекте растения часто выполняют функцию статичного фона, служа лишь декоративным обрамлением для действий антропоморфных персонажей. В то же время в научном и художественном дискурсах акцент делается на утилитарной ценности растений – они рассматриваются в первую очередь как источник пищи, сырья или кислорода, что укрепляет их роль ресурсного объекта. В результате растения лишаются не только субъектности, но и возможности действовать в рамках экологических и культурных взаимодействий. Эти стереотипы, закрепленные в языке, становятся объектом критики в эколингвистике, поскольку способствуют эксплуатационному отношению к природе. На этом фоне особенно показательна трансформация данных представлений в романе “Semiosis”, где растения становятся активными участниками коммуникации.

Если текст систематически использует фреймы, оправдывающие эксплуатацию природы, читатель может прийти к выводу о допустимости экологического ущерба. В то же время «позитивный дискурс» формирует осознание хрупкости экосистем и необходимости ответственного взаимодействия с ними. Изменение лингвистической репрезентации через слоты может корректировать общественную повестку, продвигая идею устойчивого развития и «этической коэволюции». Фреймы и слоты представляют собой важные инструменты когнитивно-эколингвистического анализа, позволяющие осмыслить, как язык кодирует и распространяет ценности, связанные с отношением к природе. Научно-фантастический дискурс, моделируя альтернативные реальности, выступает площадкой для экспериментов с фреймами и слотами, раскрывая потенциальные сценарии будущего экологического взаимодействия человека и среды. Изучение этих моделей в рамках эколингвистики способствует выявлению как разрушительных, так и конструктивных концепций взаимодействия с природой, что особенно важно в эпоху глобальных экологических вызовов.

Таблица

Частотность повторяющихся лексем, описывающих внеземную флору

Table

Frequency of recurring lexemes describing extraterrestrial flora

Категория	Лексема	Кол-во вхождений	% от общего числа
Морфология	root/sapwood	30	15%
	grow/growth	16	8%
Агрессивная токсичность	toxins/toxic/poison	15	7%
	attack/defense	21	10%
Когнитивная деятельность	plan/planning	17	8%
	control/manage	19	9%
	choice/choose	14	7%
	learn/realize	10	5%
Коммуникация	communication/signal/scent	31	15%

Инопланетная флора как активный субъект: фреймовый анализ морфологии и интеллекта растений в романе “Semiosis”

В романе Сью Бёрк “Semiosis” центральное место занимает тема инопланетной флоры – «снежной лозы» (snow vine) и «радужного бамбука» (rainbow bamboo) по имени Stevland, которая существенно отличается от привычных земных растений, демонстрируя не только необычные морфологические особенности (Слот 1a), но и признаки «разумности» и стратегического поведения (Слот 1b).

В рамках лексического анализа был взят полный текст романа, из которого методом сплошной выборки были отобраны все контексты, содержащие лексические единицы, релевантные для фрейма «растение». Всего было проанализировано 197 случаев употребления ключевых лексем, распределение которых представлено в табл.

Как видно из таблицы, наиболее частотными оказались лексемы коммуникации (15%), термины, описывающие корневую систему (11%) и лексика агрессивного поведения (17%). Это распределение подтверждает двойственную природу изображения флоры в романе: с одной стороны, подчеркивается ее морфология (анатомическая лексика – 23%), с другой – когнитивные и коммуникативные способности (44% в сумме).

Таким образом, языковые средства последовательно формируют образ растения как активного агента. Рассмотрим теперь подробнее, как эти элементы реализуются в рамках выделенных слотов.

В рамках фрейма «РАСТЕНИЕ» можно выделить Субфрейм 1 «Морфология и физиология растения», в котором рассмотрим: Слот 1a: «Структура растения» и Слот 1b: «Разум / интеллект растения». Этот подход продемонстрирует, как научно-фантастический дискурс романа ломает земные стереотипы о «пассивной» природе и раскрывает идею «растение как субъект, обладающий интеллектом», которое можно представить в виде структуры представленной на рис.

В романе подчеркивается, что инопланетные растения на планете *Rax* могут иметь нетипичную морфологию: особые узлы для хранения воды или токсинов, быстро распространяющуюся корневую систему, а также способность менять

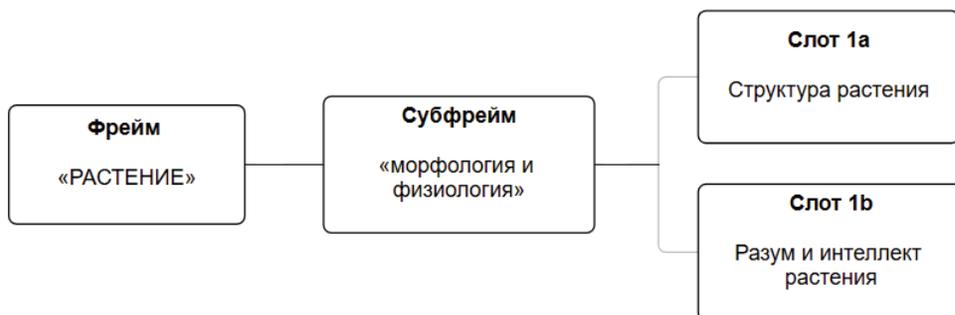

Рис. Субфрейм 1 «Морфология и физиология растения». Слот 1а: «Структура растения»
Fig. Subframe 1: “Plant morphology and physiology”. Slot 1a: “Plant structure”

химический состав плодов. С точки зрения экологической лингвистики, это подрывает представление о растениях как о простом «фоне» и позволяет переосмыслить такие привычные категории, как «растение», «плод», «дерево».

Расширенная корневая система и агрессивный характер

Главной деталью морфологии растений планеты *Rax* является расширенная корневая система, быстро распространяющаяся на большие расстояния и способная питаться не только за счет почвы, но и животных организмов. В одном из фрагментов романа герой обнаруживает, что лоза «проросла» на месте захоронения людей:

“Snow vines sprouted from the three women’s graves. The vines had sent out roots to feed on dead humans instead of aspen trees, to tap flesh for food and blood for water” [14, p. 26].

Здесь автор подчеркивает хищнический аспект растения, которое стремится использовать все ресурсы, в том числе биологические останки. Подобное описание ломает привычный земной фрейм «растение = статичный организм».

Аллелопатия и химическая защита

В тексте много внимания уделяется аллелопатии:

“It’s allelopathy. The plant gets rivals out of the way to clear space for itself” [14, p. 28].

Выделяемые яды убивают конкурирующие культуры (пшеницу, другие местные виды), что ставит растения на позицию «активных агрессоров». Подобная физиологическая особенность заставляет колонистов осознать, что их ирригационные и сельскохозяйственные действия могут вступать в конфликт с «воюющими» растениями. В эколлингвистическом плане это показывает, насколько язык при помощи таких терминов, как *“allelopathy”*, *“poison”*, *“root rot”* формирует у героев новое понимание природы. Они вынуждены переосмыслить свои действия в контексте растительных стратегий нападения и обороны.

Гибкое изменение токсичности

В тексте неоднократно подчеркивается, что одни и те же плоды могут быть безопасными или смертельно ядовитыми в разные периоды:

“Maybe a change in nitrogen metabolism created excess alkaloids. Or perhaps it was a response to pests or pathogens” [1, p. 13].

В земном представлении растения не меняют токсичность «по желанию». Но на планете *Rax* колонисты сталкиваются с самоорганизованной и адаптивной флорой. Это говорит о физиологической гибкости растений, которые синтезируют новые токсины, реагируя на внешние факторы, такие как сезон, присутствие вредителей, конкурирующие растения.

Нетипичная генетика и семена

В одном из эпизодов ученые на планете обнаруживают, что местные растения используют РНК вместо ДНК, а семена имеют нестандартное число семядолей:

“And RNA,” Grun said, “not DNA. Nothing has DNA except us.” “On Earth, all seeds have one or two embryonic leaves, but here they have three or five or eight” [1, p. 20].

Это выделяет радикальное биологическое отличие, где генетическая основа (РНК) и морфологический «избыток» семядолей разрушают стереотип о том, что «любая внеземная флора должна повторять земные схемы». По сравнению с земными растениями жизненные циклы на планете Рах эволюционировали иным путем. Это указывает на то, что понятие «растение» может включать куда более вариативный набор характеристик, чем знакомые «однодольные и двудольные» культуры.

Таким образом, «Структура растения» в романе «Semiosis» раскрывается через ряд важных положений:

- расширенная корневая система;
- аллелопатия и химическая защита;
- радикальные генетические отличия.

Слот 1a: «Структура растения» в романе перестает быть «простой ботаникой». Представленная на планете флора имеет динамичную систему «наступления и обороны», меняя традиционный фрейм «растение = статичный объект» на «растение = активный субъект». Нетипичные корни, гибкая токсичность, РНК-генетика – радикально меняют привычный фрейм «растение = безобидное и статичное». Использование терминов *“allelopathy”* и *“root rot”*, а также упоминания о «хищном» питании за счет останков людей или животных, фактически расширяют категорию «растение», вводя в неё идею целенаправленных стратегий нападения и обороны. С эколингвистической точки зрения подобное описание подрывает антропоцентрическое восприятие природы. То, что на Земле обычно воспринимается как «молчаливое» и статичное, в романе получает «голос» через химические сигналы и экстремальные формы взаимодействия. Новые представления о «структуре растения» демонстрируют, как язык романа формирует биоцентрическую модель, в которой растения активно влияют на социальное и экологическое равновесие мира Рах. Таким образом, когнитивно-эколингвистический ракурс позволяет увидеть, что в “Semiosis” изменяются устоявшиеся концепты и культурные установки: растение перестает быть «фоном» и становится полноправным, а иногда и доминирующим, участником экосистемы.

Слот 1b: «Разум / интеллект растения»

В классической земной ботанике растения не ассоциируются с интеллектуальной деятельностью. Однако в романе “Semiosis” автор делает упор на некоторые формы флоры, которые на планете Рах способны к целенаправлению, планированию и манипуляции.

«Растения» как мыслительные агенты

Герои романа обнаруживают у «снежной лозы» (snow vine) стратегическое поведение, которое подчеркивает ее способность к целенаправленному поведению, требующему определенного «интеллекта». Колонисты понимают, что «снежная лоза» (snow vine) осознанно отличает людей от других местных животных (фиппокатов/*fippokats*), учитывает фермерскую деятельность и действует против них:

“The snow vines had learned fast, too. They had realized that we were like fippokats and used us like them, giving us healthy or poisonous fruit. But the west vine had attacked our fields. ... Creative, original ideas and perseverance were signs of intelligence—real intelligence, insightful. It had weighed possible courses of action, then chosen one” [1, p. 32].

Данная цитата указывает на «анализ» ситуации лозой, способность к целенаправлению (“weighting possible courses of action”), на способность растения

оценивать ситуацию и выбирать оптимальный вариант. Оно учится отличать земледельцев от обычных травоядных, варьируя токсичность плодов (“healthy or poisonous fruit”).

В тексте ярко продемонстрирована способность растений управлять ресурсами и планировать свои действия на примере отравления полей. «Западная лоза» (*West vine*) сознательно «захватывает» поле, чтобы лишить колонистов пропитания:

“This is a war, an organized fight. The snow vine attacked our crops. ... Controlling the food supply is one way to win a war. The west vine had decided to kill us every way it could and had invented tactics to do it” [1, p. 33].

Растение понимает ключевую роль зерновых культур в выживании людей, поэтому бьет по продовольствию. В противовес противостоянию с «западной лозой» (*west vine*) у героев романа образуется альянс с «восточной лозой» (*east vine*). «Восточная лоза» (*East vine*) предоставляет съедобные плоды и защищает людей от конкурирующей ветви:

“...the east vine had provided safe fruit and protected us from the west vine’s poisons, so we came to rely on it. We gave it water and compost, and it seemed to reward us” [1, p. 47].

Однако растение делает это ради собственной выгоды, такой, например, как искусственная ирригация и удобрения. Все это указывает на «семиотическую» активность, где растения фактически «обмениваются сигналами» – плодами, химическими выделениями, реакциями на поведение людей.

Невербальная коммуникация и сознательная манипуляция

В следующем фрагменте герои удивляются внезапной смене токсичности плодов, когда растение само решает, делать их съедобными или ядовитыми. Такая резкая трансформация подчеркивает, что «снежная лоза» (*snow vine*) целенаправленно манипулирует окружающими, используя плоды как невербальные сигналы или способ нападения:

“We had all eaten the west fruit before, and it was fine. Then, suddenly, it turned toxic overnight, loaded with a new alkaloid. We realized the vine could choose when to make its fruit safe or deadly” [1, p. 67].

Ранее было отмечено, что колонисты узнали о способности растений извлекать питательные вещества из тел умерших существ, используя их в качестве «живого удобрения». Тем самым флора планеты *Rax* демонстрирует крайне агрессивную форму приспособления, превращая любые биологические останки в полезный для себя ресурс:

“Tap flesh for food and blood for water” [1, p. 26].

Когда же «западная лоза» (*west vine*) внедряет семена в тела, «восточная лоза» (*east vine*) противодействует, «перехватывая» удобрение, что сигнализирует о признаке целенаправленной «тактики».

“At my insistence, we dug up the graves of Carrie, Ninia, and Zee. We found a mass of roots at war tangled through their flesh. The seeds from the west vine had sprouted, stems and roots bursting through their abdomens. But roots from the east vine had countered, strangling the seedlings. The east vine had won” [1, p. 31].

В совокупности растение ведет себя как «разумный стратег»: выбирает, как прорасти, когда атаковать или помогать, тем самым формируя «дружескую колонию» либо «вражескую».

Дополнительный акцент сделан на противостоянии между разными линиями снежных лоз, которые формируют нечто вроде «биологического фронта», выступая аналогом человеческих конфликтов. С точки зрения антропоцентрического восприятия, «война» – удел людей и животных. Если растения могут вести «организованную борьбу», значит, речь идет не о простых инстинктах, а о рационально-когнитивной деятельности. Ученые и колонисты вынуждены

переосмыслить тот факт, что перед ними не «молчаливый ландшафт», а соперник или союзник, столь же опасный, как враждебная цивилизация.

Невербальная коммуникация и сознательная манипуляция

Коммуникация флоры планеты и колонистов проявляется не только в агрессивных или защитных стратегиях растений, но и в способах, которыми они «общаются» с колонистами, подавая определенные сигналы или создавая благоприятные условия для взаимодействия:

“A piece of fruit pulled off easily from the stem. ... The bamboo was very friendly. Fruit appeared right away near the house where we stayed. Then one of the trunks< ...> grew a shoot. Each of the new leaves had stripes of a different color...” [1, p. 59].

Радужный бамбук (*rainbow bamboo*), предлагая плоды, использует их как подарок или приглашение к общению. Легко «срывающийся» плод и его появление подчеркивает, что растение «ориентируется» на присутствие людей. Оно как будто «знает», что плод нужен для установления дружественного контакта. Меняя окраску листьев, словно «приветствует» пришельцев невербальными сигналами. Визуальный аспект растение применяет, чтобы «выразить» позитивный настрой или «приветствие». В таком свете полосы на новых листьях могут восприниматься как некий «язык» или «сигнал», адресованный людям. Колонисты квалифицируют поведение растения как дружелюбное, а не инстинктивно-равнодушное. Герои отмечают, что радужный бамбук (*rainbow bamboo*) «хочет» их присутствия: “*wanted us to stay*”, подразумевая целенаправленное взаимодействие. Таким образом, радужный бамбук (*rainbow bamboo*) не просто «растет» рядом – он сознательно взаимодействует с людьми через «дар» (плод) и «знаки» (окраска листьев). Подобная сцена подчеркивает, что в мире “*Semiosis*” растения могут принимать роль коммуникатора и использовать доброжелательность как стратегию, мотивируя людей «остаться» и наладить более глубокий контакт.

Таким образом, «Разум / интеллект растения» в романе “*Semiosis*” раскрывается через ряд важных положений: обучаемость и планирование, креативность, сотрудничество или агрессия, манипуляция.

В тексте романа неоднократно используется лексика, которая традиционно соотносится с деятельностью мыслящих существ: “*decide*”, “*attack*”, “*plan*”, “*ally*”. Такие глаголы и понятия приписывают растениям волю и способность к рациональному выбору. Соответственно привычный фрейм «растение = пассивный объект» трансформируется в категорию «активный субъект с сознанием»: флора не просто реагирует на раздражители, а целенаправленно «решает», когда атаковать или вступать в союз. Идея разумной растительности разрушает антропоцентричный взгляд на природу, показывая, что «природа» в лице растений может обладать не меньшей «агентностью», чем животные или люди. Появление в тексте терминов “*battlefield*”, “*declare war*”, “*poison*” в отношении флоры иллюстрирует стирание жестких границ между человеком и растением: в борьбе за ресурсы они становятся равноправными участниками конфликта. Такое описание языка указывает на необходимость отказа от традиционного представления о «растении» как о второстепенном фоне для человеческой деятельности. В совокупности это приводит к переосмыслению фрейма «растение» как *разумного агента*, активно влияющего на экосистему и на социальную структуру человеческой колонии на планете *Pax*.

Заключение

Таким образом, в контексте эколлингвистики, опирающейся на концепты фреймов и слотов из когнитивной лингвистики, анализ научно-фантастического дискурса демонстрирует то, каким образом язык не просто описывает, но и формирует экологические сценарии взаимодействия человека и природы. Анализ

романа Сью Бёрк “Semiosis” позволил продемонстрировать, что инопланетная флора представлена через фрейм «растение», который существенно расширяется за счет включения элементов, характерных для нетипичной морфологии и проявления интеллектуальных способностей. В результате анализа лексических и стилистических средств удалось систематизировать ключевые слоты, отражающие «Структуру растения» и «Разум/интеллект растения», что показало, как растения в дискурсе трансформируются из пассивного фона в активных субъектов, способных к целенаправленному поведению и манипуляции ресурсами. Подобное смещение акцентов свидетельствует о важности лингвистических средств (лексики, метафор, концептов), которые способны укреплять или опровергать антропоцентричный взгляд на природу. Внедряя в дискурс идеи «хищничества» или «сотрудничества» растений, автор формирует биоцентрическую модель, призывающую к переосмыслению роли человека в экосистеме. Применение методологии когнитивной лингвистики и эколлингвистического анализа показало, что изменение языковых репрезентаций через фреймы и слоты способствует формированию новых экологических ценностей, что особенно актуально в условиях глобальных экологических вызовов.

Л и т е р а т у р а

1. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики. *Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики*: сб. науч. трудов. Челябинск: Изд-во «Образование»; 2007:41-47.
2. И Гальего Гальярдо. Эколлингвистика и ее дидактическое применение. *Речевые технологии*. 2023:3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvistika-i-ee-didakticheskoe-primeneniye> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Кислицына Н.Н. Эколлингвистика – новое направление в языкознании URL: https://www.researchgate.net/publication/359743226_Ekologiceskaa_lingvistika_text (дата обращения: 07.01.2025).
4. Pine JM., Lieven EVM. Slot and frame patterns and the development of the determiner category. *Applied Psycholinguistics*. 1997;18(2):123-138. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0142716400009930>.
5. Хенцельман М., Федорова Н.И. Фреймовая семантика в зеркале экологического дискурса в русском языке на примере текстов о Волжско-Камском заповеднике. *Вестник ТГТУ*. 2016;43(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-semantika-v-zerkale-ekologicheskogo-diskursa-v-russkom-yazyke-na-primere-tekstov-o-volzhsko-kamskom-zapovednike> (дата обращения: 20.02.2025).
6. Haugen E. The Ecology of Language. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. 2006:57-66.
7. Нурушева Д.А. *Фундаментальные исследования*. 2014;(5)4:890-893.
8. Meyer-Abich KM. *Praktische Naturphilosophie*. Erinnerung an einen vergessenen Traum. München: 1997 (на нем.яз.).
9. Сорокин Ю.А. Нужна ли нам лингвоэкология? *Мир лингвистики и коммуникации*: электронный науч. журн. 2006;1(3):92.
10. Курашкина Н.А. Основные направления современной российской эколлингвистики. Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016;2:166-170. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm>.
11. Фокина Е.А. *Особенности перевода слов-терминов в эколлингвистической системе научной фантастики*. Сборник статей Международной научно-практической конференции молодых. Уфа; 2022.
12. Garrard G. *Ecocriticism*. 2nd ed. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2012. 9780203806838.
13. Andrews N. How cognitive frames about nature may affect felt sense of nature connectedness. *Ecopyschology*. 2018;10(1):1-12. DOI: 10.1089/eco.2017.0014.
14. Burke S. *Semiosis: A novel of first contact*. Лондон: HarperCollins; 2018:421.

References

1. Ivanova EV. Goals, objectives and problems of ecolinguistics. *The pragmatic aspect of communicative linguistics and stylistics: a collection of scientific works*. Chelyabinsk: "Obrazovanie" Publishing House; 2007:41-47 (in Russian).
2. Galyardo I. Ecolinguistics and its didactic application. *Speech Technologies*. 2023;3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvistika-i-ee-didakticheskoe-primenenie> [Accessed 20 January 2025] (in Russian).
3. Kislitsina NN. Ecolinguistics – a new direction in linguistics. Available at: https://www.researchgate.net/publication/359743226_Ekologiceskaa_lingvistika_text [Accessed 07 January 2025] (in Russian).
4. Pine JM, Lieven EVM. Slot and frame patterns and the development of the determiner category. *Applied Psycholinguistics* 1997;18(2):123-138 (in English). DOI: 10.1017/S0142716400009930
5. Henzelmann M, Fedorova NI. Frame semantics in the light of the environmental discourse in the Russian language based on the texts about the Volga-Kama reserve. *Bulletin of TGGPU*. 2016;43(1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-semantika-v-zerkale-ekologicheskogo-diskursa-v-russkom-yazyke-na-primere-tekstov-o-volzhsko-kamskom-zapovednike> [Accessed 20 February 2025] (in Russian).
6. Haugen E. The Ecology of Language. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. 2006:57-66 (in English).
7. Nurusheva DA. Fundamental research. 2014;(5)4:890-893 (in Russian).
8. Meyer-Abich KM. An enriched and developed, up to date still seminal book on German-based deep ecology. Munich: 1997 (in German).
9. Sorokin YA. Do we need lingvoecology? *The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*. 2006. Vol. 1, No. 3. pp. 92 (in Russian).
10. Kurashkina NA. Main directions of contemporary Russian ecolinguistics. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2016;2:166-170. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm> (in Russian).
11. Fokina EA. *Features of translating terminological words in the ecolinguistic system of science fiction*. In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Young Researchers. Ufa: 2022 (in Russian).
12. Garrard G. *Ecocriticism*. 2nd ed. Abingdon, Oxon; New York: Routledge; 2012 (in English).
13. Andrews N. How cognitive frames about nature may affect felt sense of nature connectedness. *Ecopsychology*. 2018;10(1):1-12 (in English). DOI: <https://doi.org/10.1089/eco.2017.0014>
14. Burke S. *Semiosis: A novel of first contact*. London: HarperCollins; 2018:421 (in English).

Об авторе

МАЛИННИКОВА Юлия Владимировна – соискатель ученой степени к. филол. н., кафедра общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: 0009-0003-7951-170X, e-mail: jm89184418988@yandex.ru

About the author

Yulia V. MALINNIKOVA – External Doctoral Student, Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, ORCID: 0009-0003-7951-170X, e-mail: jm89184418988@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 10.03.25

Принята к публикации / Accepted 30.04.25